

повесть

1

Войну ждали страшную, но земную. А она — с неба. Ночь-полночь — гул, гром, какого отродясь не слышали. По окнам — красные всполохи, изба ходит ходуном.

Аннушка выскочила на крыльцо: светопреставление.

Застя звезды — рыбы по небу! Огненную икру мечут.

Аннушка воздух в себя — Духа Святого, а когда выдохнула, Выползово накрыло огненным валом. Вздоха и выдоха хватило поделить деревню на живых, пригодных для жизни, и на убитых — непригодных.

Визг свиней уж до того пронзительный, сердце ноет, козы кричат, как малые дети. А уж коровы ли ревут или труба архангела — не разберешь. Ужас. Но бабий вопль звериного надсадней. Детей поубивало.

— Нас-то, господи! — обошло! — согрешила Аннушка, глядя на смекалистую Прасковью Алексеевну.

Матушка родненькая тащит за собой в баньку обеих невесток: от немцев прячет, от на-

сильников. Дверью за собою хлопнули, и — бомба. В баньку.

И судьба. И крест.

2

Аннушка — женщина замужняя, на Рождество грядет круглая дата — двадцать лет... Алеша, муж, с первого дня на войне, лейтенант, не уберег Выползово.

Снаряд прошел над крышей — в лесу рвануло. Тут все и улеглось в голове, рядком.

В избе — престарелый больной отец, по лавкам — семеро. Двойне — Коле и Нюре — по десяти, остальным — Господи помилуй! Васе — четыре, Маше — четыре, Ксюше — три, Пете — два, Ванечке — скоро два. И Паня, младшая сестричка, — помощница. Ей — пятнадцатый.

На Паню и прикрикнула:

— Одевай ребятню! Отец, собери что подороже! Заначки свои не забудь. Лопата в сенях?

— В сенях! Бабы где?

— Бомба в баньку попала! — и дверью грохнула за собой.

— Паня, куда это она?

— Не знаю. Могилы копать?

Аннушка и впрямь копала в дальнем углу огорода. Окоп.

Остановилась воздуха перехватить, поглядела... Он самый и есть — конец света. Бога, однако, не видно. Жизнь — в жилах, смерть — вот она. Яма на месте баньки и сарай, по бревнышку раскатанный.

Над Выползовом, как две звезды, сошедшие с небес, осветительные бомбы: наша и немецкая.

По взгорью, выбеленному выпавшим снегом, люди бегут муравьишками. А с неба опять косяки черной рыбы. Веселые красные нити трассирующих очередей вколачивали в снег бегущих. Как гвоздики.

— К земле зиму прибывают, — сказала несурное Аннушка.

Принялась копать, но глаза к небу так и тянутся. Небо исхлестано вдоль и поперек. На немцев и от немцев белые и желтые болвашки. Снаряды.

Охнула, заскулила от страха. Надвигаясь, покатился гул моторов — танки! Лопата сама копает, а глаза смотрят: на дальней окраине Выползова — чадят. Танки чадят. Железные. У наших ружья нашлись, пробивающие броню.

Танки стали — пошла пехота. Наша.

Тотчас небо накрыла золотая сеть. Аннушка кинулась в избу.

— Что ты копаешься?! — закричала на Паню. — Отец, иди на огород! Копай, да шибче! В тепле только смерти ждать.

Отец пошел, воротился, сунул в мешок самовар. Аннушка ничего не сказала, кутала мелюзгу в платки, в шали.

— И старые, что ли, брать? — удивилась Паня.

— Лишь бы носы не отморозить. Собирай в котомки еду. Ванечку сама одену. Скорей! Все Выползово на небе.

Изба тряслась от взрывов. За стенами выло что-то огромное. Немцы накрыли деревню валом артиллерийской мести. За танки.

Аннушка тащила к окопчику сразу троих: Ванечку, Петю, Ксюшу.

Ухнула в окоп. Да как вовремя! Дома соседей, справа и слева, разнесло в щепу.

— Целы?! — крикнул Пахом Иванович, загораживая голову лопатой.

— Целы, — Паня ощупывала ребятишек. — Все тут!

Аннушка принялась выбираться из кучималы.

— Ты куда?! — закричал Пахом Иванович, страх как боялся остаться с детьми.

— Я скоро.

Аннушка вбежала в избу — и сразу в красный угол. С тридцать седьмого, незабвенного, здесь у них висел Клим Ворошилов. А за Ворошиловым на полочке — складень с двумя створками. Третью створку искорежил прикладом латышский стрелок. Когда монастырь разгоняли, Аннушка и обрела искалеченный складень. В топком месте комсомольцы вымостили дорогу иконами.

Было! Местные люди, не ужасаясь, хаживали удобным коротким путем. Аннушка в ту пору во втором классе училась. На дорогу, на короткую, удобную, она смотреть не смела. Жалела Боженьку. Вот и унесла складень. Перепугала Пахома Ивановича — сторожа при сельсовете — до медвежьей болезни, а мама, Прасковья Алексеевна, складень на опустевшую божницу поставила. Правда, прикрыла суеверие портретом светоча Бухарина. Бухарина пришлось поменять на Ежова. Ежова — на Ворошилова. Но и Ворошилов, как его предшественники, пошел в печь. В июле, 16-го или 17-го, немцы Смоленск заняли.

Перед складнем Аннушка на колени опустилась.

— Господи! Прими душу рабы божьей Прасковьи, рабы божьей Веры, матери Машеньки и Пети, рабы божьей Надежды — у нее вон сколько осталось. Помилуй.

Дом аж подпрыгнул. Вылетели прочь рамы, Аннушку прижало к печи.

— А вот и жива! — она сказала это неведомо кому, вперекор.

3

Со складнем, прихватя шубу Прасковьи Алексеевны, приползла к окопу. Красные слепни летали по двору туда и сюда.

Шубой закрыли дно.

Прижукнулись друг к другу.

Бой если и затихал, то на единый вздох. Огненная буря вскипала всякий раз на вершине косо-

гора. Вскипев, катила вниз по Выползову и, должно быть, просачивалась в преисподнюю.

– Крестная! Крестная! – окликнула Аннушку сиротина Маша.

– Что, родная?

– Домой!

– Нельзя домой. Сгорим. Все дома в деревне сгорели.

– Домой! – не соглашалась Маша.

А у крестной сердце останавливалось: не просится к матери. Все молчат о Вере, о Надежде, о бабушке Прасковье.

– Смотри, как пульки красиво летят, – показывал Коля двоюродной сестренке.

– Пульки убьют, – Маша накрепко зажмурила глаза и тоненько, безнадежно тянула: – До-о-о-о-ой!

– Вы все скоренько засните, и войны не будет! – попросила малышню Паня.

Послушались, заснули, даже Коля и Нюра.

Рвались гранаты. Пулеметы токовали, но Господь малых любит. Спали.

Аннушка, положила руки на складень, пристроенный под шубой, под кофтой, помолилась:

– Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Богородица, укрой детей Твоим Святым Покровом! Оставь хоть малую часть народа русского на развод. Все Выползово поубивало. Молчит.

Снарядом сшибло трубу, но разорвался где-то в деревне. На рассвете, когда бой поутих, Паня наварила в печи чугуна картошек. Завтракали, однако, в окопчике: пули секли избу с двух сторон.

Живности у большого их семейства не было. Сено съели лошади отступающего обоза. Свинью зарезали дезертиры. Корову сами съели. Трех кур втайне от матери Аннушка отдала беженцам с детишками. Пяток – солдаты переловили. Свои. Жалко, а все же польза. Остальных держали в избе, детишек и себя куриной лапшой баловали.

Горячую картошку на холоду ели всласть. Выползово снова было наше.

Немцы поперли, пообедавши.

Пушки в который раз подняли землю в небо, чернобагранный вал прокатился по Выползову.

Ребятишки – головками Аннушке в живот, и вдруг – тишина.

– Кончилось? – спросила Паня.

А что могло кончиться?

Сидели, дышали.

Хрум. Хрум. Хрум.

Над окопчиком, заслонив половину белого света, встал немец. Аннушка забыла, как это – дышат, а Ванечка к немцу ручками потянулся.

Немец автоматом повел.

– Ну и все, – сказала себе Аннушка.

Но, оказывается, автомат мешал заплесневелому сине-зеленому солдату. Из заплечного мешка достал немец одеяло. Кинул Ванечке. И тотчас исчез.

– Вот тебе и враги! – изумился Пахом Иванович. – Не стрельнул.

Стыд жег Аннушке щеки. Складень она себе на грудь пристроила. Чтоб не обронить – руки будут заняты детьми.

Но, когда пуговицу на кофте застегивала, пришла ей мысль: складень медный, от пули дурной защитит. И о Ванечке тотчас подумала! Может, складень под его пальтишко пристроить? Пальтишко Ксюшино, а до того – Машино, но шили его еще Нюре... И твердо решила: жизнь взрослого надобнее. За девятых в ответе.

Немецкое пуховое одеяло маленько согрело ребятишек. От ветра загородились и ведь чего-нибудь да надышали.

Аннушка достала складень и первый раз в жизни рассмотрела клейма.

В верхних створках – они в виде куполов – «Воздвижение животворящего Креста».

На одной створке – «Воскресение Христово», «Вознесение», «Сошествие Святого Духа на учеников», «Успение Пресвятой Богородицы». На другой створке – «Вход Господень в Иерусалим», «Сретение Господне», «Преображение Господне», «Крещение Господне». Сила и слава Иисуса Христа и Пречистой Богородицы.

– По очереди будем носить складень! – решила Аннушка.

– Он маленько тяжелый, давайте мне! – сказал Коля.

– Нашли чем заниматься! – осерчал Пахом Иванович. – Уходить надо. Один немец одеяло дал, а другой гранаты не пожалеет.

– Господи! Куда? – вырвалось из груди Аннушки. – Где нас ждут?

Отдала складень Коле, откинула одеяло. И тут – пулеметы, уррааа!

– Наши! – просиял Коля.

Через двор, мимо избы, мимо окопчика, пробежали человек двадцать. Наших! Со штыками наперевес.

— А ведь одолели вроде? — повеселел Пахом Иванович. — Русский штык — молодец!

Ванечка завозился, встал на ноги. Бабкин платок превратил его в медвежонка.

— Мы теперь наши? — спросила Аннушку Паня.

Аннушка выбралась из окопчика.

От Выползова — трубы, гарью несет. Их избенка цела. Все взгорье запятнано убитыми. Сгоревшие танки...

— Матушка! Богородица! Помилуй семейство наше! — заслонила ладонью глаза от света, оглядела немецкую сторону, потом свою — зубчатую от леса. Уходить — так в лес.

— Что, ребята, рискнем?

И — свет по глазам. Опаляющая волна, тугая, тяжкая, подняла Аннушку, швырнула на другую сторону окопа.

Пламя пошло следом, встало над кучей малой детишек. И растяло.

— Матушки мои! О-о-о-о! — закричал дурным голосом Пахом Иванович, глядя на свои залитые кровью руки. — Панька! Анька! Анька! Я раненый. В дом несите.

А по дому — очередь. Бревна щепой брызжут.

Аннушка полежала и поднялась. Цела. Осмотрела голову отца. То ли осколок чиркнул, то ли мерзлой землей побилло. Разодрано ухо, по голове как медвежьей лапой погладили. Крови много, но ссадины неглубокие.

Паня ползком пробралась в избу, принесла йод и два полотенца. Одним обвязали голову Пахому Ивановичу.

На старшую сестру Паня глядела, тая ужас в сердце.

— Сама не раненая?

— Обошлось.

— Господи! Как бы я с ними со всеми.

— Так же! — сказала Аннушка. — Уходим! Перибьют нас здесь. Детишки совсем окоченели.

Забыв про войну, сходила в избу, в чулан за мешками. И ложки взяла, деревянные, чтоб у каждого — своя.

Санки держала в сарае — сгнули.

Хотела посадить в мешок Васю и Ваню. Не поместились. Потащила Васю. Солдат на сне-

гу сидит. Переобувается. С убитого начальника сапоги снял.

— Где наши?

— В лесу, — сказал солдат. — Поспешай. Мы тут немцам жару задали, да силенок мало. Уходим, — показал Аннушке разодранный ботинок. — Ноги боюсь отморозить — вот и взял.

У сгоревшей конюшни оставить Васю показалось страшно. Посадила под елочкой.

Побежала за Ваней.

Ваню — в мешок.

— Нюра! Коля! Идемте со мной.

Вася-то один у нас.

Снег черный. Во всем Выползове снег черный, будто его нарочно коптили.

Когда Машу тащила, пришлось самой ползти, в сторону взять: немцы снова обстреливали трижды убитую деревню. Еще одного солдатика встретила.

— Мать, помоги! — руку бинтовал.

Усмехнулась про себя: нашел мамашу. Повязку, однако, наложила ловко.

Мешок все время шевелился.

— Кого тащишь?

— Племянницу. Наши далеко?

— В лесу приказано собираться. Отходить придется. Сил у них вдесятеро против нашего, бомбят все время.

Добралась до елочки. Посадила на пуховое немецкое одеяло Машу. Коля, Нюра, Вася, Ваня. Уж так глядят, будто она солнце, согреть может.

Осталось перетащить Ксюшу и Петю. За раз надо управиться. Отец, хоть и подраненный, но ведь мужик все-таки. Паня его под руку возьмет.

Ксюшу с Петей притащили с Паней. Потом волокли Пахома Ивановича. То ли от болезни ослабел, то ли от потери крови, а может, перепугался до смерти. Самовар, однако, на спину пристроил.

По лесу все шли сами. По следам солдат. Снег даже в лесу черный, а следы — белые.

Ванечка, чересчур накутанный, что ни шаг — валился. А Петя шел, шел и сел. Ванечку взяла на руки Аннушка, а Петю — Паня. Ксюшу и Машу время от времени несли Коля и Нюра. Пахом Иванович плелся последним. Его через каждые полсотни шагов ждали. Ждамши, сил набирались.

В лесу теплее, ветра нет. Тихо.

— Неужто от войны ушли?! — спросила Паня.

— Глупая! — нахмурилась Аннушка. — Войне придет конец, когда в Берлине Гитлера прибьют.

— А может, Сталина с Тимошенко в Москве?

— Пахом Иванович грохнул палкой по дереву — надвое разлетелась.

Подняла Аннушка глаза свои кроткие на отца медленно, очень медленно. Кротости в них, однако, не ubyло.

— Не сталины и не тимошенки на снегу лежат по всему Выползову. Лежат наши, как мой Алексей Васильевич. Не хватит на Россию у Гитлера зубов. Ты видел, сколько немцев на том же снегу? Ты видел, как их танки горели?

— Ишь, лейтенантша. Дура красная! Немцу месяца хватило до Смоленска дойти и взять. Меньше месяца!

— То-то и оно! А Выползово пока что не взял, а область — Смоленская.

— Не надобно было, вот и не взяли. На Рождество немцы в Москве будут угощаться.

— В Выползове, говорю, видел, сколько их коченеет? И этак от Белого моря до Черного. Не бывать немцам в Москве.

— А ну тебя! — махнул рукой Пахом Иванович.

— Я, дура, не меньше твоего победы хочу. А где мы с тобой? Где армия?

Армию они догнали в березняке. От самолетов красноармейцы прятались, но костерок жгли.

— Ребятушки, куда нам-то деваться? — спросил Пахом Иванович.

— Уходить, — сказал старший. — Нам приказано боев не затевать, сохранить силы.

— А погреться у вас можно? Детишки назяблись...

— Погрейтесь.

Для малых и для взрослых нашлась похлебка. Может, варили ее из топора, но уж тем была хороша, что горячая. Аннушка раздала ложки.

Поели, и тишина закончилась.

Над лесом прошли самолеты, немецкая артиллерия перенесла огонь куда-то далеко.

— Шоссе обстреливают, — догадались красноармейцы.

— Жди танков! Против нас Гударкин, танкист. У нас учился, — сказал старший.

Подошел к ребятишкам. Поглядел на Аннушку.

— Спасибо! Я тебя узнал.

Аннушка смутилась.

— Вроде бы не виделись?

— Еще как виделись... Вот она, товарищи красноармейцы, Родина-мать. За нее бьемся и за птенцов наших.

Погрузили солдаты семейство на танк. Поехали. Ледовито, но быстро.

В себя приходили в просторном доме сельсовета. Село — при дороге, по дороге — беженцы. Пешие. В сельсовете натоплено. Малье ребята повалились спать, и взрослых сон угомонил. Все на полу, рядком. Один Пахом Иванович вис на столе. На ходиках — четыре дня. Еще светло. Идти бы! Немцев ничто не держит. А может, и держит. Где-то стреляют. И пушки, и пулеметы. И вот она, отставшая война.

Бомбы разорвались близко, танки рычат. Спят ребятишки. Поднять и вести? Под бомбы, под танки? Аннушка взяла складень с груди Коли. Не проснулся.

Поцеловала икону, осенила спящих, ограждая от войны, от немцев, от этаккой жизни. И снова сон рухнула, но с ясной мыслью. Господи! Приснилось бы хорошее. Хороший сон силы множит. Глаза открыла — немцы.

— Матка! Шнель! Пошел!

Ребята спят непробудно, а немец автомат в руки — и по стене, от угла до угла... Вася лежа подпрыгнул. Ксюша под стол поползла. Пахом Иванович, наоборот, со стола сверзился.

Немцы захохотали. Аннушка ребятишек под себя, как наседка, — и на улицу.

Дорога людьми занята. Немцы гнали беженцев на Запад, в свою сторону. Рабы — будущее богатство. Главное — сила народная убывает.

Туркнули немцы семейство в колонну, а ребята — со сна. Кому пописать надо, кому — побольшому. Из колонны хода нет — стреляют насмерть.

— Которому невтерпеж? — спросила Аннушка ребятишек.

— Мне! — закричала Ксюша.

— Мне! — заплакал Петя.

Ванечка только глазами хлопает.

— Паня, поддержи Ванечку. Я Петей займусь. Всем терпеть!

Терпели, никто штанишек не замочил, не замарал.

Управлялись на ходу. Дети на шее, на руках, за плечами котомки. Тяжело. Но добрая душа нашлась. Совсем старуха взяла у Пани Ксюшу. Паренек, Панин одноклассник, помог Коле, нес на переменках с ним и с Нюрой Петю. Аннушка догадалась — посадила Ванечку в мешок. На спине поверх котомки пристроила.

А вот Пахом Иванович сплеховал. Ему достались котомка с мукой да с гречей и мешок с самоваром. Спасительный для такого похода инструмент. Воды вскипятить, затируху заварить. Да что угодно. Хоть бы и кашу.

Шли не быстро. Но хворые, а может, и раненые, все-таки отставали. Тогда грохал выстрел. Немцы больных людей опасались... Пахом Иванович струсил. Бросил самовар. Старушка, взявшая на плечи Ксюшу, сказала Аннушке:

— Немцев-то всего четверо, а нас не меньше трех сотен. Кинуться бы разом, придушить...

— Мне ли о сражениях городьбу городить? — Аннушка показала глазами на Васю, на Машу, на всех своих. — Без меня — не жильцы.

— Ох уж, долюшка у тебя! — согласилась старушка. — Господи! Неужто небесные заступники не видят нас?

— Иконы из дома небось выбросили?

— Я бы не посмела. Сын у меня матрос. В реку божницу кинул.

— А в нашем Выползове дорогу иконами мостили... Чего теперь на небо глядеть?

Но старушка на небо глядела.

— Вроде гудят?

— Если гудят, так немецкие...

Но это были наши... Два истребителя. Прошли над колонной, строчили из пулеметов. Кинули две бомбы.

Немцы попадали на землю. Колонна беженцев тотчас превратилась в кипящий рой. Рой, распавшись надвое, устремился в лес.

Аннушка выхватила у старушки Ксюшу, толкнула остолбеневшего Пахома Ивановича и, крича одно слово «Мои! Мои!», вломилась в березняк.

Немцы опамятавались. Стрельнули по убежавшим, но, очутившись на дороге, посреди русского леса, на русской земле, вчетвером, кинулись бежать.

Летчики, слава богу, стреляли и бомбили

совестливо. Бомбы взорвались одна позади колонны, другая — впереди. Стреляли по обочинам.

Аннушка завела семейство в сосенки. Здесь и снега нет, и шишек много. Оглядела своих — живы. Сообщила:

— Отец! Самовар ты перед самой бомбежкой кинул. Паня, Коля и ты, паренек, как тебя?

— Сашка! — подсказала Паня.

— Ступайте на дорогу, самовар найдите. — И на отца глянула: — За ребятами гляди!

Сама с Нюрой сучьею набрала, костерок соорудила — ребяташек обогреть.

Самовар нашелся быстро. Искальщики ладно что свое подняли, — принесли две брошенные котомки. В одной — картошка и соленые огурцы, в другой — колоб масла, с кило, и мятные пряники.

— Картошку тащить рук лишних нет, огурцы тоже тяжесть! Наедемся! — решила Аннушка.

Все сделала с умом. Картошку почистили, сварили в самоваре. Туда же тройку нарезанных огурцов, кусочек масла — вот и хлёбово.

Под елкой от зимы не укроешься.

Достала Аннушка с груди складень.

— Помолимся. Молитву за мной повторяйте: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!»

Ксюша, целуя икону, удивилась.

— Теплая!

— Помолись еще раз! — сказала Аннушка девочке.

— Господи Иисусе Христе... — замолчала.

— Сыне Божий! — подсказал Вася.

— Сыне Божий...

— Помилуй нас! — это уже Нюра.

— Помилуй нас!

— Теперь Петя! — Аннушка поднесла складень к его личику.

Петя захлопал ресничками и заплакал.

— Целуй!

Поцеловал.

— Ванечка, ты молитву запомнил? — спросила Аннушка.

Ванечка закивал головой. Он тонул в глубинах пухового, побитого молью платка. Прочитал молитву звонко, весело. Прочитал и засмеялся.

Аннушка отдала складень Пане.

— Ангела нам в дорогу! Пошли! Ты, Паня, берегиня.

4

Шли по дороге. На Восток, к своим. Шли как могли, но кого-то даже догоняли. Кто-то их догонял. Одни торопились, уходили. Другие предпочли идти вместе. С полсотни набралось. Кто-то сказал:

— Были мы — жители здешней земли, коренные. Теперь имя наше — беженцы. Только бежать нет сил. И не ведаем, куда бежать.

А в спину — громовый рокот.

— Отбегались! — кто-то один сказал, но все поняли: это правда.

И вот ведь — сволочное дело. Справа — лес по горизонту. И слева... Уходить полем — перестреляют.

Кто-то сообразил, скомандовал:

— Все — в колонну! Идем в немецкую сторону. Спросят — скажем, конвой разбежался.

Уже через двадцать минут пропускали танковую дивизию, что ли. Танков не меньше сотни. Пушки, крытые машины с пехотой.

Покорность русского населения немцев обрадовала. Конвоиров приставили — десять солдат, да еще танкетку и три мотоцикла.

Километра полтора прошли — запылало небо на Востоке. Пушчонки заухали.

— Противотанковые! — сказал Саша Коле.

Тотчас прошли самолеты в сторону фронта.

— Юнкеры, — объяснил Саша.

— А этот откуда? — Пахом Иванович голову в плечи убрал: низко летел наш самолетик.

Грохнуло! Танкетка завалилась в кювет. Загорелась. Пулемет летчика срезал с левой стороны конвоиров.

— Мои! — кричала Аннушка, уводя семью прочь с шоссе. — Мои!

Немцы стреляли, люди падали. Дети убитые, как кочки, взрослые — бугорками. Да мелколесье — вот оно! Лес-младенец укрыл беженцев.

Аннушка оглядела свою мелюзгу.

— Нельзя больше попадаться немцам. Лесом пойдем. Выведет. А где Саша?

— Он с большими ребятами убежал, — сказала Пяня.

— Живой, и слава богу.

Отец стоял, прислонясь спиной к сосенке.

— Самовар где? — не поняла Аннушка.

— Потерял.

— Как потерял? Это наша жизнь.

— Чего-то меня толкнуло. Пробило самовар. Пуляли.

Все было понятно: бросил.

— Идемте, ребятки, — сказала детям Аннушка. — Пока своими ножками. Снега нет.

— За ручку! — потребовала Ксюша.

— За ручку, — согласилась Аннушка. — Обязательно за ручку.

Вася подал руку Пяне. Нюра взяла Машу, Коля — Ксюшу, Аннушка — Пете левую руку, а на правую — Ванечку.

Лесом огибали поля. Встретили беженцев. К Аннушке подошла пожилая женщина.

— Здесь, километрах в пяти, железная дорога. Есть будка. Детишек обогреете.

Пошли веселее. У Аннушки на шею ехала Маша, Ванечка сидел в мешке, за спиной. Пяня несла Ксюшу, Коля и Нюра — Петю. Попутчиков уже не было.

— Рельсы! — обрадовалась Пяня. У нее не осталось сил думать, хотеть... Идти — шла, нести — несла.

Сели под кучей валежника. Пахом Иванович на одно что сгодился: ему спички хватило костерок запалить. У огня хорошо, но идти надо. А по шпалам — не ходьба, спотыканье.

— Анька! — закричал по-птичьему отставший даже от Ксюши, от Маши Пахом Иванович.

Остановились. Повернулись.

— Не идут ноги... Оставьте меня. Я уж лучше к Прасковье, чем так мучиться.

— В чем твои мученья, бесстыдник! — не сдержалась Аннушка. — Дети своими ногами идут.

И увидела: Петя на рельсу сел. Ксюша и Маша на шпалы легли.

— Отец! Ты всем нам голова. Пошли потихонечку. До будки дойдем, переночуем. Дальше — как бог даст. — Подошла к Пахому Ивановичу, поклонилась ему. — Пошли бога ради!

Пахом Иванович послушно зашмурычал ногами, споткнулся на шпале, повалился. Сказал Аннушке:

— Ступайте!

— А я тебе не дочь, а малые тебе не внуки? — скомандовала: — Пяня! Коля! Нюра! Разбирайте меньших. На закорки сажайте, на шею...

Сама на колени опустилась:

— Отец! За шею меня бери.

Попробовала встать — не получилось.

— Не будь мертвяком! Ногами себе помогай. Коли встанем, так пойдем.

Поднялись. Понесла дочка отца-старика. Шагает, но идти надо.

Вася со шпалы на шпалу попрыгивал. Ванечка — у Нюры, Петя — у Коли. Паня брала на шею то Машу, то Ксюшу, а то и за руки шли.

«Куда идем? Насколько нас хватит?» — стояло в голове Аннушки, и вдруг Васин голосок:

— Эвона! — остановились, повалились.

По открытому месту, вдоль путей, прочь от громяющей войны шли лоси. Впереди зверь-гора, рога огромные, царские. Не останавливаясь, зверь повернул голову, смотрел на малых детей. Прошел, и все звери тоже прошли.

Вдруг самый молоденький шагнул к полотну. Обнюхал сидящего на рельсе Ванечку. По личику лизнул. Ушел.

— Тетя Аня! — закричал Ванечка радостно. — Он холод с меня слизнул. Мне тепло.

— Тогда пошли! — сказала Аннушка. — Сами видите — вечерет. Морозит.

5

И села. Без сил.

— Отдых! — объявила Паня, роняя с рук Ванечку, снимая со спины Васю. — Анька! Сил больше нет.

— А у меня есть. У кого складень?

Складень нес Коля.

— Святому Духу помолимся. Коля, держи икону. Все перекреститесь, повторяйте за мной. «Царю Небесный...»

— Небесный! — звонко закричал Вася.

— Утешителю, Душе истины...

— Ду-у-у-ше! — кричал Вася.

— Иже везде сый и вся исполняй...

— Везде! Исполня-ай! Сокровище! Прииде!

Очисти!

— И спаси, Блаже, души наши...

— Спа-асите!

Аннушка погладила Васю по личику.

— Звонкий у тебя голосок.

— Я кричал, чтоб Боженька услышал.

— Поцелуйте все нашу икону. Теперь мы сильные. Все пойдут своими ногами.

И взвалила Пахома Ивановича на спину.

Минуту ли шли, а может, и полчаса.

— Будка! — закричал Вася.

Даже ходу прибавили, а возле будки, как кишащие муравьи, — беженцы.

Костры горят небольшие. Пять, шесть, семь... К будке не подойти.

— У меня дети! — простонала Аннушка.

На спине у нее — отец, под ногами — пятеро, Паня ноги отца на плечи положила. Коля с Нюрой котомки несут.

Люди все-таки расступились, а в будку не войти. Кто-то выдирается к воздуху, но место тотчас занято. Морозит. Хорошо морозит. Откуда такая зима?

— Детишек возьмите погреться.

— А у нас не детишки? — запричитали на Аннушку.

— Давайте в очередь, хотя бы на четверть часа.

— Замнут, затопчут.

— В будке люди или кто?! — Паня подняла Ванечку, Ванечка закричал, и все умолкли, все услышали, как кричит, требуя жизни, ребенок.

— Кто, спрашиваешь, в будке? — нашелся мудрец. — Война. По головам разве что передать паренька, отогреть.

— У костра прогремся, — решила Аннушка.

— Может, лучше в курятник? — сердобольный мужичок показал на сараюшку. — Все-таки стены.

Мудрец засмеялся.

— В курятнике заперлись. Не пускают.

Аннушка взвалила отца на спину, но тут сказали:

— Костры приказано гасить.

— Кто приказал?

— Военные. Немцы прилетят.

Аннушка уронила отца на землю. Сама рядом села, на мерзлую землю. Паня подложила ей под спину котомку.

— Я, пожалуй, полежу! — Аннушка сдвинула котомку, плечами оперлась, головой.

И тут все услышали: колеса стучат о рельсы. В сотне метров от будки остановился состав.

— По вагонам! — голос был командирский.

Из будки повалил народ. Поспешали люди от погашенных костров. Кого-то красноармейцы гнали к вагонам из леса. Не все хотели в поезд, под бомбы. Повалила толпа из сарая.

Паня трясла Аннушку за плечи:

– Просыпайся! Поезд!
 – Берите отца, – внятно сказала Аннушка. – Ребята, деда несите...
 Ванечка и Вася ухватили деда за рукава, Маша, Ксюша – за валенки, а Петя заплакал.
 Подошли красноармейцы.
 – Быстро!
 – Отец у нас обезножил! – показала Паня на Пахома Ивановича.
 – А эта?
 – Спит.
 – Так буди!
 – Не просыпается.
 Подошел командир.
 – Па-а-а-дъем!
 Аннушка открыла глаза, поднялась. Взяла котомку.
 – По вагонам!
 – Я не донесу, – сказала Аннушка.
 – Детей взять! – приказал красноармейцам командир.
 – Я не донесу! – повторила Аннушка.
 Командир уже уходил.
 – У него два Георгия! – крикнула Аннушка.
 – У него Боевое Красное Знамя на шашке... Он мне отец.
 Шатаясь, склонилась над Пахомом Ивановичем.
 – Поднимайся... Паня, ну давай же! Ну как-нибудь...
 Подняли. Поволокли. Уронили. Подбежали красноармейцы, понесли старика.

6

Стучали колеса о рельсы.
 Как попали в теплушку, Аннушка не помнила. Потрогала руками около себя – ребятишки. И – перепугалась. Не могла представить личики маленьких. Колю – да. Нюру – да. А вместо личика Ванечки – голосок его.
 Надо их посадить рядком да посмотреть.
 Всех пятерых тетешкала младенцами... В городе ведь работала, в деревню замужество вернуло, а тут – война.
 Колеса стучали, стучали. Стучало сердце. Чье? Ванечка рядом. Дышит хорошо. Вдыхает. Так вдыхают счастливые люди. Неужто у всего этого есть конечный день?..

– Аннушка!
 Отец. Поднялась. Перебралась.
 – Аннушка! Это нам за мой орден на шашке.
 – Господи! О чем ты говоришь?
 – Там, где мы прошли с товарищем Буденным, в кишлаках оставались темные лужи на глине... Эскадрон у нас ночью вырезали. При солнышке улыбаются, дружат, все тихие, безответные. А ночью – звери. Войну мы под корень вырубili... И дадено мне зреть, как-то дочерям моим и внучатам.
 Пахом Иванович встрепенулся.
 – Кресты Георгия, чай, в пожаре оплыли.
 – Под смородиной закопала.
 – Васе передашь... Прости, что потревожил. Спи! Уму непостижимо, сколько сил тебе нужно.
 – Выздоровливай! Я – к Ванечке.
 Пахом Иванович придержал Аннушку.
 – Не бомбят. Дверь открывали – луна во все небо и не бомбят.
 – Не скучай по бомбам. А то, что тихо, – это нас хранят Ванечкины сны.
 Уползла. Пахом Иванович думал-думал и сказал:
 – Я в это, в сны Ванечкины, после всего могу поверить... И в твой складень.

7

Стучали, стучали, стучали колеса.
 День, другой, третий... Воду на станциях добывали... Еды не было.
 – Я терплю, – шептал на ухо Аннушке Ванечка.
 Петя плакал, потихонечку, чтоб никому не мешать. Вася кулак сосал.
 – Мама заругает! – Нюра стукнула брата по руке и язык прикусила. – Мама не заругает...
 Ксюша перед личиком загибала пальцы.
 – Ты чего считаешь? – спросил Коля.
 – Сколько всего я съем, – призналась Ксюша. – Когда еда будет.
 – Не надо говорить про еду, – попросила Нюра.

Проснулись от тишины.

Стояли. Вдруг с треском раздвинулась дверь.

— Кто живой, выходи!

В проем двери запах чабреца, солнца и... молока!

Аннушка спустилась по железной лесенке на землю.

Вдоль состава — котлы. В котлах — молочная каша.

— Паня, давай ребят!

У котлов — красноармейцы.

— Каши — всем вволю! — объявил командир по громкоговорителю. — У кого нет котелков — получайте котелки, у кого нет ложек — получайте ложки.

— Вот она, ложечка! — Вася поднял свою деревянную.

И Ваня ложку поднял.

Ели, сидя на земле. Солнце. Земля прогретая. Воробьи слетелись. Столько еды!

Красноармеец выдал Аннушке пять котелков.

— Из одного — по двое. Ложки-то у вас, смотрю, крашенные. Откуда сами?

— Смоленской земли люди.

— Смоленск немец летом еще взял.

— Мы из области. Крайние.

Собирая после обеда котелки, красноармеец поманил Паню.

— Один котелок заберешь. С кашей. Когда еще будет еда...

У Пани слезы в глазах просияли.

— Спасибо!

— Котелок спрячьте.

Убрала за пазуху. Поклонилась. Пошла.

— Погоди! Еще один возьми. Господи, как же вы уцелели?

Оказалось, еда — это начало мирной жизни. На станции имелась баня. Всех повели мыться. Из бани вышли — конвой с винтовками.

— Все на стрижку!

— И женщинам?

— В первую очередь. Вошь хуже немцев. Тиф — по людям, как по траве — косой.

Вот когда Аннушка на ребятишек поглядела. На всех и на каждого. Небо высоченное, синее. И капелькой у каждого на голове. Бритые головы, как зеркала.

Степь хлебом пахнет, дорога — молоком. Коров люди держат.

Пахом Иванович после каши, после бани повеселел. Показал ребятишкам плавающую в небе птицу.

— Это ведь орел!

— Орел?! — удивилась Аннушка.

— Беркут. Царь степей.

Ребятишки на орла глазели. Аннушка на ребятишек не могла наглядеться.

— Спаслись от войны.

Увидела: Маша в сторонке сидит — в руках у нее складень. Личиком, щечкою прижимается то к одной створке, то к другой. Аннушка насторожила слух.

— Боженька! — разговаривала с иконой девочка. — Ты взял маму. Спаси моего папу, Михаилом Васильевичем зовут. Боженька! Скажи правду! Это папа защитил нас?.. Боженька! А кашу ты дал? Боженька, здесь тепло. Здесь нет бомб. Боженька! Я тебя попросить хочу... — подняла глаза к небу и увидела Аннушку. Смutilась. Протянула ей икону.

Аннушка складень взяла. Перекрестилась. Поцеловала.

— И мне! — попросила Ксюша.

— И мне! — сказал Петя, а Ванечка ручками звал икону к себе.

— О чем ты хотела попросить Иисуса Христа? — спросила Аннушка Машу.

— Пусть все мы будем живы.

— Войны нет, — сказал Вася. — Кто нас теперь убьет? Все свои.

Аннушка отошла от ребятни. К станции подъезжали подвозы, людей увозили. Оказалось, это председатели колхозов разбирают беженцев, колхозам нужны руки.

Аннушка встала за сарай пожарных с баграми на стенах, смотрела, затаясь, на своих. На ненужных. Какому председателю приглянется такая орава?..

Ее окликнули.

— Гражданка!

Военный. Поклонилась.

— Здравствуйте!

— Как я погляжу, ваше семейство мне оставили, а я — на фронт. В вашем семействе фронтовики имеются?

— У меня муж лейтенант. Алексей Алексеевич.

Фамилия Глебов. Все дети — сироты. Матерей бомба разорвала. Там, где жили. В Выползове. А отцам где же быть — на войне.

Военный смотрел, молчал.

Аннушка растерялась.

— Мой муж, Алексей Алексеевич, при аэрофлоте, самолеты немецкие отгоняет.

Военный снял фуражку, отер ладонью лоб.

— Куда же мне вас? Идите к своим, собирайтесь.

Долго ли собраться. Поднялись, котомки — за спину. А котомок — у самой, у Пани, у отца, у Коли...

Паня ложки у ребятишек собрала. Котелки с кашей в Колиной котомке спрятала. Мало ли? Красноармейцу еще влетит.

— О! О! — Ванечка, тарача глазки, тыкал рукою, показывая нечто...

Петя попятился, упал и заплакал. Паня — тотчас на выручку.

— Петенька, это верблюды. Лошадки такие. Горбатые немножко.

Верблюдов было два, по бокам у них — плетеные большие корзины.

В одну — Паню и Ксюшу, в другую — Пахома Ивановича и Васю. Второй верблюд принял Аннушку, Ванечку, Петю. И Колю с Ньюрой, с Машенькой.

Ехали, однако, недолго. С час. И — Господи помилуй! — село. Стены из глины, крыши крыты дерном. Ни единого кустика, но возле каждой хибарки — гора кизяков.

Застонало сердце у Аннушки.

— У нас для поросят лучше строят, — сказала Паня.

— Живут. Значит, так жить сподручней в здешних краях, — строго сказала Аннушка.

— Сакли! — объяснил Пахом Иванович. — Снова довелось в сакле жить.

Аннушка даже застонала.

— Пока что над нами небо. Кто пустит такую ораву?

Однако пустили. Взяла их Кумуш-казашка, у нее своей мелюзги четверо. Окошек в мазанке или — как ее там? — в сакле, в кибитке целых три. Два — в комнате и маленькое — у печи.

Пол земляной.

— На зиму солому стелем, — порадовала хозяйка. — Ходим босы, ноги к полу не примерзают.

День удался теплый. Оставили шубы, платки, котомки, пошли поглядеть место, куда занесло.

С ними Нуры, старший сынок Кумуш. Ему было девять, но в школу не ходил. Школа — на станции, до станции — восемь километров. В степи волки расплодились. Квартиру снимать не на что.

— Придется мне быть вашей учительницей, — сказала Аннушка Коле и Ньюре. — Нуры научим читать и писать.

— Ты учиться хочешь? — спросил Коля маленького хозяина.

— Угу! — сказал Нуры.

Мимо серых и желтых кибиток с кизяками у глухих стен вышли на околицу.

— Гладко! — изумился Вася.

— Ровно, — поправила Аннушка.

В степи неба много больше, чем земли. Свет стенает к горизонту, и горизонт сияет, будто там ждет хорошего хода сказка.

Прошли на другую сторону села — опять ровно. На этом ровном, бескрайнем паслись, как слоны, стога соломы.

Стерня струилась, будто солнце перебирало стебельки срезанной пшеницы.

— На поле нельзя! — сказал Нуры.

Его указательный палец нашел между стогами верблюда. На верблюде — человек.

— Почему нельзя? — не поняла Аннушка.

— На поле колоски. Собирать нельзя. Арслан-ага бьет камгой. Он волка камгой убил.

— А где лес? — спросила Маша.

— Лес — дома! — Паня подняла Машу на вытянутых руках. — Не видишь?

— Не вижу.

— Уехали далеко, — сказал Вася.

Ванечка пустился бегать, не сводя глаз со стерни.

Стерня лучами играла.

— Тут плохо! — по-птичьи крикнула Маша.

Нуры обиделся за родную степь.

— У нас весной — маки до края земли!

Маша прижалась к Васе, Петя — к Маше, Ксюша вцепилась ручками в Колю и в Ньюру.

Коля в небо смотрел. И Ньюра в небо смотрела. Что увидел брат в пустоте?

Вернулись домой. Ксюша маму Аннушку за шею обняла, шепнула на ухо:

— Кашки хочу!

— Кашки хочешь? — громко переспросила Аннушка и поглядела на ребятишек Кумуш. — У вас, гляжу, блюдо большое. Садитесь к нашему столу. У нас молочная каша. Давайте на блюдо выложим.

Стол, конечно, степной — на полу. Клеенку Паня от дождя взяла из дому, а теперь — стол. У Кумуш глаза радостью засветились.

— Родственники баран кости дали. Целый котел сварила шурпа. Досыта ешь. И они, — показала на детей. — И ты, и твой старик.

Сердце Аннушки по-ребячьи стучало, весело. Натерпелась в вагоне, когда семьи и одинокие люди тайком ели. Упаси боже увидеть голодные глаза какого-нибудь дитяти. Когда видели, отворачивались.

9

Для Пани, Аннушки и Пахома Ивановича работа нашлась. Паня и Аннушка пошли в доярки, Пахом Иванович — в мастерскую — арбы ремонтировать, сбрую. Председателю соседнего колхоза лошадь перековал. У своего председателя лошади не было: верблюды.

Осень о лете саму память выдула. Зима началась бураном. Бураны трубили, смиряли степных людей заносами. Кибитки замело по трубы.

Человек и зиму перетерпит, и войну, но вошь?

То ли кто занес тифозную гниду, то ли несчастье ползучее, объявившее русскую землю от края и до края, выродило и эту беду. Слегла Нюра-голубушка. Свечой запылала, вот-вот сгорит. Чем лечить? Где они, лекарства, где доктора? Война умыкнула. Тифозный пожар полыхнул во всю степь.

Православным людям скорбное сокрушение. Не сыскать досок для гробов, для крестов, да и камней в степи не больно-то найдешь — пометить место упокоения.

Аннушка Нюра в изголовье поставила складень. На полу спали, в соломе. Молилась Аннушка до зари, когда под звездами шла коров доить. Но зараза она ведь заразная, перекинулась на детей Кумуш.

Нуры утром встал, да тотчас лег, голова огненная. Ночью бредила пятилетняя Майя. Через неделю метались в жару меньшие — Калом и Гуля.

— Зачем я вас пустила?! — черные глаза Кумуш с огоньком, а тут — две ямы. — Медяшку свою убери! Наколдовала!

Аннушка поклонилась Кумуш.

— Не поддавайся беде! Я молюсь. Наши дети будут живы.

— Зачем я вас пустила! — закричала Кумуш страшным шепотом.

Тут и Аннушка платок с головы сорвала.

— Мы к тебе приехали бритые, мытые, дезинфицированные! Тиф — от вшей! На бритой голове гниде ухватиться не за что... А ты, хозяйюшка, с гребешком-то не растаешься. И детишки твои — вшивые.

Кумуш села, сложила ноги по-своему, калачом.

Пахом Иванович собирался на конюшню. Сказал с порога.

— В Гражданскую сыпняк косой людей выкашивал. Знаете, чем моя бабка людей лечила?

И замолчал.

— Так чем же? — спросила Аннушка.

— Вшами. В хлебушек закатает и даст. Выздоровливали. Я так и вовсе не заболел.

Ушел. С другой стороны дверь плечом притворил.

— Чего руки опустила?! Голову чеши! — приказала Аннушка хозяйке.

Был ли толк от «лекарства», но дети Кумуш отболели и поднялись. И Нюра поднялась. На роду этак написано? Господь смилостивился? Четверть аула на кладбище...

А Кумуш, видно, все силы отдала детям. На себя не осталось. Поддалась заразе. И — новая волна! Заболели Паня и Петя. Потом пришел черед Васи, Маши, Ксюши. Ванечка и дед до августа крепились.

Ванечка перед сном бегал небо смотреть. Там, где солнце садилось, закат догорал быстро, а на Востоке, откуда шла ночь, небо занималось огнем, не гаснувшим во тьме.

— Немцы с русской земли Сталинград сводят! — Паня брала Ванечку на руки, уходила за дом и показывала звезды. — Это божии светлячки. Ты смотри, радуйся, и звездочки тебя полюбят.

Но Ваню тянуло смотреть, как земля в огне сгорает. Жар пылающего за десятки верст города опалил, зная, мальчишку. Обдало пла-

менем и кавалера двух Георгиев с шашкой, где на рукояти — революционный орден Боевого Красного Знамени.

Аннушка без устали остужала Ванечке головку и грудь. Икону прикладывала к лобу. Металл холодил, святая сила хранила, может, и «лекарство» времен Гражданской войны шло на пользу.

Отболевшая Кумуш «лекарство» приносила от родичей. У самой голова тоже бритая.

Война, погромыхая, близилась. Однажды проехали на грузовиках через аул красноармейцы, посланы бить румын.

Пахом Иванович порадовался.

— Выходит, у Гитлера немцев сильно ubyло. Румыны — мужичье. Пахари да виноградари, не станут за немца умирать. В плен пойдут за милую душу.

Аннушка Пахома Ивановича напоила настоящим чаем. Кумуш принесла.

— Попою перед смертью! — улыбнулся старый кавалерист.

— Что ты говоришь-то! — осерчала Аннушка.

— То самое. Коли меня как татарина похоронят, сидя, ты, дочь, не огорчайся. Поношение заслужил, а Бог разберет, кто к нему пришел.

Попросил икону. Поглядел, не дотрагиваясь, перекрестился с изумлением.

— Ишь ты! Рука словно бы креста боится. Не слушается. Я хоть и красный кавалерист, но от смерти-то хранила меня русская крестная сила. Теперь к себе забирает.

Опять улыбнулся. Да так хорошо.

— На небесах-то я, глядишь, еще и повоюю с немцем.

Сказал и умер.

Похоронили красного кавалериста по-русски. Правда, без гроба. В простыне, прикрыв сверху шубой.

Над селом теперь летели армадами тяжелые, с крестами, самолеты...

— Кончают Сталинград! — сказала Паня.

— Земля русская не выдаст! — взгляд у Аннушки твердый. — Собирай детей! Ванечка-то уже здоровенький. Пойду нанять верблюдов. Война совсем близко от нас.

Расплатилась последним, что было ценного, — карманными часами — наградой Пахома Ивановича от красных командиров.

Казах-старик посадил семейство в короба, поехали. Да, слава богу, скоро не получилось.

Видели, как в той стороне, где станция, самолеты кружат. Земля ухала. Занялись пожары.

Казах собирался поворотить верблюдов — Аннушка не позволила.

Прибыли на станцию в одно время с поездом. Поезд стал, казах поспешно выгрузил семейство.

Станцию немцы разбомбили. Дома горят, на пустыре, перед станционным домом, бомба среди толпы разорвалась. Убитых столько, что почудилось Аннушке: на земле одно ее семейство уцелело да четверо часовых у поезда.

Нет! Живые были. Кто-то пытался подойти к вагонам, часовой в воздух стрельнул.

Платформы все открытые. На платформах — самолеты искалеченные. Чинить везут.

Поезд встал, чтоб не попасть под бомбы. На уничтоженную станцию второй раз не прилетят. Часовые ходили навстречу друг другу.

— Паня! Как поворотятся, бери одного, другого — и под самолет.

Схватила Васю, Паня — Ксюшу, но не побежала, осталась.

— Головы не поднимать! — приказала Аннушка Васе, перевалив через борт платформы.

Вернулась к своим.

— Ты что, Паня?

— Не подниму! Высоко!

Часовые шли лицом к станции.

— Сделаем вот что. Как повернутся, бежишь ты, Коля и я... Сама залезешь, Колю я посажу, а ты сверху подсобишь.

Чуть было не попались. Паня зависла — и никак. Аннушка Колю — через борт. Паню — за ноги, Коля сверху дернул.

Отскочила Аннушка от поезда вовремя. Пришла к своим — ноги не держат. Села. Руку на грудь, на складень. Много нас еще. Вот они, глазастенькие: Ксюша, Ванечка, Петя, Нюра, Маша. Пять пуль можно получить.

Складень убрала Пете под пальтишко.

Отнесла птенчика. Паня приняла. Отнесла Машу. Опять все хорошо, а сердце колотится... Вдруг поезд тронется.

Руки потянулись к Ванечке, но взяла Ксюшу.

И снова — на сердце нехорошо. Впору бы взять,

пока силы еще есть, Ванечку. И как же страшно оставлять.

Отнесла меньшого.

А часовые перекур устроили. Стоят, глядят... И опять выстрел. Кто-то пытался к паровозу подойти.

Часовые пошли в голову состава скорым шагом, сердито. Аннушка кинулась тотчас к платформе. Ньюру за руку тащила. Господи! Господи! Все под самолетом. Тут эшелон и тронулся.

Взяла Аннушка складень у Пети и заплакала. Беззвучно, горько, хотя было им всем — счастье.

10

Жили ползком, голов не поднимая. Еды — две лепешки, скорей из пыли, чем из муки. Кумуш подарила на дорогу катык сушеный. На день — по шарикку. Были еще котелки солдатские с кумысом — единственное питье. По глоточку пили.

На четвертый день ничего не осталось.

— Богородица! Человеколюбца! Помоги! — молилась Аннушка на ночь.

А ночью — буря. Без дождя. Во тьме что-то летело, секло. Однако не снег, не град. Утром увидели: красно под их самолетом. Рябины ветер натряс им.

И еда, и питье. И станция большая.

— Ряжск! — прочитала Паня, поднявшись.

И тотчас — окрик:

— Руки вверх!

К платформе бежала железнодорожная охрана — обходчики. Заячью команду сняли с поезда, поставили на землю.

Привели семью на вокзал. Начальник за голову схватился:

— Как?! Откуда?!

— Из-под Сталинграда.

Был допрос. Тому, кто допрашивал, слезы смотреть мешали.

Детей и Паню с Аннушкой накормили. Начальник станции выдал документ. В документе краткая история семьи и просьба оказывать помощь детям и взрослым.

На станцию из колхозов возили зерно. Шла уборка урожая. Зерно возили на быках, все лошади были призваны на фронт.

Семью доставили в деревню Аргуново.

11

Лжива молва о сердечности русских людей. Те, бывшие, сердечные, в Бога верили. Их перевели под корень. Царь Алексей Михайлович, улучшая веру отцов, царь Петр, возлюбивший немецкую жизнь, от русской нос у него на сторону воротило. Последних сердечных Троцкий и Ленин — эти уморили в тюрьмах, с русской земли Иисуса Христа гнали.

Возчик остановил быков возле большой избы, чтоб было, где поместиться. Хозяйка дверь отворила, глянула на мал-мала — и руки клешнями вперед.

— Не подходите!

Дверью бабах — и на засов.

Постояли, пошли в соседний дом.

Хозяйка дверь не отворила. В третьей избе в окошко посмотрели, кто стучит, увидели кто, — занавеску задернули.

Хозяйка четвертой избы заголосила:

— Ой! Ой! У меня семеро!

В пятой говорили из-за двери:

— Уходите! Самим есть нечего.

Аннушка взмолилась.

— Дайте спичек! Мы хоть костерок разведем. Погреемся!

— Не будет вам спичек! Еще деревню спалите со зла.

— Нет в нас худа, и зла в нас нет! — уверяла Аннушка. — У нас икона.

— Вот и молитесь!

Что делать? Война не убила, тиф не сожрал, в русском селе брошены на погибель.

— Люди недобры, а деревья нас не прогонят.

Повела Аннушка ребятишек под ветлы, в овражек.

Ванечка, Петя, Ксюша, Маша — на немецком одеяле легли. Остальные — вокруг.

Звезды ночью сверкали. Воздух морозом пахнет. Поднялась Аннушка на заре. Потрогала ребят — спят, не околели.

Через Аргуново пошла в соседнее село, в Хотавки.

Рань, но председатель сельсовета был на месте. Лицо серое, как осиное гнездо. Глаза тоже серые, но живут, горят. Туберкулез.

Подала бумагу. Когда читал, сказала:

— Никто нас не пустил. Ночевали под ветла-

ми, в овражке. Спичек, главное, нам не дали.

— Где дети?

— В овражке, говорю. Под ветлами.

Председатель — из-за стола, на конюшню. Запряг лошадь в телегу, погнал.

Ребятишки проснулись, сидят, прижавшись друг к другу. Петя плачет тихонько. У Ксюши зубки стучат.

— Какие же сволочи у нас! Кулачье недобитое! — председатель брал ребятишек, сажал на телегу. — Потерпите, соколята. Вы, я вижу, сокольего племени.

Покатили по деревне.

— Вот хороший дом! — дал вожжи Пανε, сам — к окну, постучал.

Форточка отворилась.

— Не пушу!

Председатель побежал к другому дому.

— Не отворю! — Председатель грохнул в дверь сапогом, сел в телегу, снова погнал лошадь.

— Здесь спичек не дали?

— Здесь.

Натянул вожжи. Взбежал на крыльцо. Концом кнутовища замолотил по двери бешено.

— Председатель, тебе чего? — дверь отворилась. — Просить за этих?

— Не просить, — сказал председатель, вытирая рукавом пот со лба, с шеи. — Не просить, госпожа Крошкина! Собирай узелок. Отвезу тебя в райцентр, пойдешь на трудовой фронт.

— Напугал!

— Ну, как хочешь! — сошел с крыльца. — Позвоню прокурору. Десять лет получишь верных.

— Эй! — кинулась с крыльца Крошкина к Аннушке. — Заводи чуму в дом. Вам тепло нужно? Жить будете у печки.

— Простите нас! — поклонилась председателю сельсовета Аннушка.

— Я — в правление колхоза, на довольствие вас поставить надо.

Глаза сияли, искорки в них — как звезды.

Без председателя госпожа Крошкина построжала. Сунула в руки Пανε чугуна.

— Еду будете варить. Только лишних дров у меня нет, на дворе стряпайте.

Стряпать пока что было нечего, но четверти часа не прошло, подкатил тарантас председа-

теля колхоза. Вошел в избу. Ребятня — на полу. Паня тоже на полу. Подошел к старшей, к Аннушке.

— Постараемся устроить вашу жизнь... Картошку копайте в поле, еще не убирали. Берите кочаны капусты на щи. Морковку, свеклу.

— Спичек нет, — сказала Анна.

Достал с груди коробок.

— Хлеб выдадут в магазине. На всех.

— Коля! Тебе нести чугуна. Паня возьмет Ванечку, я — Петю. Пойдемте в поле, на обед. По дороге собирайте сухие палки для костра.

12

Солнышко осени слабосильное, но загляделось на ребятишек. Посветлело, облака растаяли.

Петя из одежды своей стал выбирать. Машина помогла брату. С себя шапочку вязаную сняла.

— Вот какой у нас дом! — догадался Вася, раскидывая руки.

Они сидели на краю картофельного поля, в морщинку земля здесь, у солнца — гнездо. Ветры сверху пролетают. Пахло ботвой, горячей картошкой и малыши ребятиами.

— А что это на дальней горе? За рекой? Город? Здесь тоже бомбили? — у Коли глаза цепкие.

— Церковь без куполов. Нет, здесь не бомбили. Здесь разоряли! Это монастырь. Видишь, стена...

Аннушка посмотрела на свою кучу-малу. Машина поняла, что хочет их мама, подала складень.

— Перед едой и после еды в деревнях всегда молились, благодарили Бога за хлеб. — Аннушка поднялась, прочитала «Отче наш», перекрестилась.

— У нас хлеба нет, — сказал Вася.

— Будет. Председатель колхоза обещал давать хлеб на всех! — Аннушка подала руки Ванечке и Ксюше. — Пойдемте поглядим, куда это нас примчал бескрылый самолет.

— Мы на быках сюда приехали! — Вася любил точность.

Поднялись из ложбинки на крутой бугор. По простору, в тумане, — лента реки. Туман на солнце золотится. Леса на холмах. Кудрявые. С осенней рыжиной.

— Это Бог дал! — сказала Нюра. — Бог дал нам землю, где нет войны.

— И дом дал! — Вася закружился, глядя в небо. И Ванечка стал кружиться, и Петя с Машей, и Ксюша, и Коля. И Нюра... И Паня.

Аннушка засмеялась и тоже закружилась, да с такой скоростью — юбка поднялась, стала похожа на колокол.

«Господи! — пело в груди. — Господи!»

И совсем бы развеселилась — стыд узду на сердце набросил. Тиф проклятый всех перебрал, а ее обошел. Ну как такое могло быть? Разве что в детстве переболела?

Паня перестала кружиться. Замерла.

— А я знаю, что Бог послал нам на самом деле. Бог послал нам Россию. Россию не обойти, не оглядеть. Но в сердце она вся помещается.

13

Спали на голом полу. Хозяйка домотканые дерюжки и те убрала. На дворе льет. Вчерашний теплый день — как сказка.

Проходя мимо Аннушки, хозяйка сказала:

— Печь не про вас.

— А колодец? — спросила Паня. — У нас ведра нет — воды достать.

— А мне где лишнего взять?

Коля вдруг засмеялся.

— Мы сварим суп с дождем.

Взял чугунок, накрошил хлеба, у него кусок оставался, понес чугунок на дождь.

— Суп с дождем! Суп с дождем! — радовались Ванечка и Петя.

Аннушка ребятам не перечила. Пусть поглядит хозяйка, как едят добрые люди суп с дождем.

14

Председатель сельсовета поспел как раз к супцу.

— Ай да татаро-монголы! На полу живете?

— У нас и еда татаро-монгольская, — сказал Коля. — Хотите попробовать?

Председатель сельсовета сел на пол, ему дали ложку. Хлебнул раз, другой.

— Холодноват что-то ваш суп.

— Это суп с дождем! — объяснил Коля. — Вообще-то — тюрю.

— Мы еду в поле варили, а сегодня — дождь, — сказала Аннушка.

— Ладно, — махнул рукой председатель сельсовета. — Вроде все устраивается. Не сразу, конечно. Завтра всех детей и Паню — ей ведь только четырнадцать — поместим в детский дом.

— Мне — пятнадцатый! — не согласилась Паня.

Председатель поднялся.

— Суп с дождем, говорите? — поглядел Аннушке глаза в глаза. — С такими ребятами не пропадешь. Говорю, соколята.

— Выдюживаем.

— К сожалению, тебе придется пожить здесь. Одно нехорошо: карточки на хлеб положены работающим. А работы пока что нет.

— Детский дом далеко? — спросила Аннушка.

— В Макарьевке. Тут километра четыре.

— Завтра отведу.

Председатель зыркнул глазами по избе.

— Ну, Крошкина! Собирайтесь, ребята! Съезжу за брезентом, и — в Макарьевку. Поужинаете как люди.

15

Увез. Даже тишина, кажется, устыдилась безмолвию. Сидела рядом с Аннушкой. Не шелохнувшись.

Хозяйка затаилась — ни хождений, ни шорохов.

А на улице посветлело. Аннушка взяла складень, вышла на крыльцо: дождя — нет. Пошла к ветлам. Дорога мимо поля с неубранной картошкой. Бригадир — верхом. Родня Крошкиной. Увидел чужую, на седле привстал, крикнул:

— Детей забрали, значит, тебе копать картошку не положено.

— Ты же видишь, я без лопаты, без чугуна. Это тебе придется копать.

— Мне?! — рявкнул бригадир: он ведь человек на селе заглавный.

— Тебе. Помру от голода, Крошкина тебя кликнет яму копать.

Плюнул, грязно выругался, лошадь кнутом огрел.

Огромные деревья ждали Аннушку. Расступились, указали место, куда складень поставить.

Как же надо молиться, чтоб все накопившееся в сердце перелить в любовь. Слезы на глаза навернулись, но не проливались. Все минуточки бы помянуть, ибо во всякую были обречены, а ничего худого не случилось.

Аннушка не чувствовала ног, чтобы пасть на колени. Спины не чувствовала — в поклоне согнуть. Рук не чувствовала — осенить себя крестным знамением, и ни единого слова не было в ней, дабы творить молитву.

Она на землю в то мгновение ногами не опиралась. Любовь — это же дыхание. И не твое — Господа Бога, и ты в Том Дыхании малая малость. Да только на самом-то деле ты — все, ты — Вселенная, у которой ни края, ни начала, ни верха, ни низа — всё!

И вот этак существуя, неведомо в каком обличье, Аннушка увидела складень. Вся прозелень его, как изумруд, вся медь — золото. И всякое клеймо — дверь в живое, в явственное, хоть войди и будь с Иисусом Христом, с Богородицей.

В великом смущении воротилась Аннушка к печке. Хозяйка и была бы рада не топить, да холодно в избе. А уж коль затопила — от кирпичей и тепло, и хлебный дух.

16

Котомки ребята оставили. В котомках — платки, немецкое одеяло, кое-что из одежонки.

В Колиной, однако ж, сухарь нашелся, шарик катыка.

«Что за мальчик! — Аннушка чуть от слез не задохнулась. — Для меньших берег».

Пошла Аннушка поглядеть, как ребятишки устроились. А ее, оказывается, ждали. Дежурили у забора в очередь: Паня, Коля, Нюра, Вася, Маша, даже Ксюша.

Вася-то и увидел идущую по дороге Аннушку. Заметался. Кинулся на дорогу — встречать. Потом назад — своих предупредить и снова к Аннушке. На руки. Прижался, затаился, но тихонечко хлопает...

Аннушка поглядела — смеется. Глянет во все свое счастье — и лицом в Аннушкино плечо. И смеется, смеется.

В калитку вошла, а куча-мала — вот она. Вася предупредить не сумел, но чутье-то на что?

Все прибежали к маме. И все с едой за пазухой. Договорились между собой — от обеда вчерашнего кусочки оставили.

Все об Алексее Федоровиче Аннушке рассказывали:

— Алексей Федорович!

— Алексей Федорович!

— Кто же он такой у вас? — спросила Аннушка.

— Заведующий!

17

Для свиданий они облюбовали крытую остановку автобуса. Остановку до войны поставили, но автобус пустить не успели. На войну все ушли вместе с шоферами.

Назавтра в будке их нашли воспитатель и Алексей Федорович. В детдоме тревога поднялась — новенькие исчезли.

У Аннушки в руке был кусок хлеба и кусочек сахара.

Алексей Федорович все понял и фуражку снял — в затылке почесать.

— Прачкой могу вас взять на первое время!

И превратился в новогоднюю елку, вместо игрушек на нем повисли Маша, Вася, Ксюша, Петя, Ванечка...

А с нового года как раз Алексей Федорович назначил Аннушку воспитателем.

В конце февраля, когда снежные поля огнем горят, когда свет от снега слепит, повела Аннушка младшую свою группу в баню.

В помощники взяла своих — Колю и Нюру.

Слышат — уж очень кричат. В бане. Кинулись бегом. Коля и Нюра проворней. Обогнали Аннушку.

В предбаннике — клубы пара, дверь в баню — настезь. На полу — взрослый человек, а на нем — голенькие ребята.

И снова крик.

— Папа! Папа! — Коля с Нюрой кричат, растаскивая ребятишек.

Тут и Алексей Федорович как раз прибежал.

— Что случилось?

Вася — к заведующему первый, глаза сияют.

— Это я увидел папу! В окошко увидел. Это я его к нам привел.

Человек в шинели поднялся с пола.

— Облепили — я и поскользнулся.

— Миша! — ахнула Аннушка. — Михаил Осипович!

Это был отец Коли, Нюры, Васи, Ксюши, Ванечки.

Поправил ушанку, засмеялся, снял, поклонился Аннушке.

— Спасибо тебе! Всех уберегла.

Через час уже красноармеец Михаил Осипович отправился в часть, на фронт.

Прощаясь, Аннушка поднесла ему складень.

— Он тебя сбережет, как нас берег. Не расставайся с ним.

Взял Михаил Осипович складень и ахнул:

— Я же тебе весточку от Алексея твоего ношу в кисете!

В кисете лежал клочок газеты. Военный корреспондент писал: «Шел бой, осталось у зенитчиков два снаряда. И тут — еще один налет бомбардировщиков. Лейтенант Алексей Глебов двумя этими снарядами сбил два вражеских самолета».

— Пиши в газету. Алексей тоже вас ищет. Найдется — ему воевать будет легче, а вам — войну осиливать!

Последнее

С фронта складень вернулся в сорок пятом году.

Михаил Осипович поставил дом семье и второй дом — Аннушке. В наши дни складень перешел к правнучке Мамы. Его дело вечное — хранить русскую семью на русской земле.

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ —

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга — «Мальчик с Веселого» — была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям:

«Дядюшка Шорох и шуршавы», рассказы и повести «Дворец Золушки», «Дом с жабой», «Желуди», «Журавлик», «Кот в сапогах с секретами» и др.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968),

Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997),

премии им. Александра Грина (2005),

литературной премии журнала «Север» (2013) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

